

В ОПЕРЕТТЕ ТАНЦУЮТ ВСЕ

Как-то мне довелось побыть на одной из репетиций спектакля «Рыцарь Синяя борода» в нашем театре музыкальной комедии.

На сцене были почти все участники этого многолюдного спектакля — и хор, и балет, и солисты. У самой рампы, лицом к сцене, сидел главный режиссер театра и постановщик спектакля В. Курочкин. Он только что передал «бразды правления» балетмейстеру В. Разногладову.

Очень интересно было наблюдать, как вот сейчас, на твоих глазах, через первоначальную чуть ли не суету и суетолю, медленно начинает проступать танцевальный орнамент. И вот уже хор образовал

играющий, поющий актер все чаще становится актером танцующим. Речь идет не только о солистах — но и о хоре, о всех участниках спектакля.

Конечно, этот процесс еще не завершен. Но именно он должен привести к истинно полифоническому «звучанию» каждой постановки...

Стоит учесть, что роль балетмейстера в театре становится важнее, сложнее. Одно дело — блеснуть ярким дивертисментом, другое... «Другое» лучше понять через сравнение: что проще композитору — сочинить мелодию для одного инструмента, скажем, фортепьяно, или написать концерт для фортепьяно с оркестром?

творческой работы — о зрелости профессиональной, о глубине подхода к делу, о тонком чувстве театра, такого, каков он есть, такого, каким ему еще предстоит быть.

— Я работаю с крупным режиссером. И благодарен судьбе за это. Обычно как-то легко говорят; балетмейстер — соавтор постановщика. Но я, пожалуй, только с «Прекрасной Елены» рискнул считать себя соавтором, — признается В. Разногладов.

Соавторство предполагает равенство позиций. Оно есть в театре — иногда балетмейстер «идет» вслед за постановщиком, иногда постановщик «во главу угла» отрывка или сцены ставит танцевальное решение, предложенное балетмейстером...

Рабочее расписание Владислава Павловича чрезвычайно насыщено. Каждое утро — репетиции с балетом вечернего спектакля, каждый день — репетиции спектакля готовящегося... Зато балет всегда в «форме» (что особо подчеркивалось прессой во время московских гастролей), зато здесь нет премьеров — но есть ансамбль солистов, когда каждый, — если захочет и докажет это, — может танцевать все...

И еще одна маленькая деталь: рабочий день балетного цеха — самого молодого по возрасту цеха театра — начинается с пятиминутки, на которой, по заведенной традиции, разрешаются спорные и конфликтные ситуации, недоумения и обиды — если, конечно, они есть... Очень дорожит Владислав Павлович психологическим климатом в своем «цехе», а каков он, этот климат, почувствовать было легко...

Из-за дверей, где вот-вот должна была начать урок педагога-репетитора С. Н. Сушкина, доносились звуки рояля и развеселая бравурная песенка. Это ребята во главе с Софьей Николаевной доставили себе маленькое удовольствие — повторили перед уроком собственное сочинение «для рояля с балетом», родившееся накануне.

А на стене репетиционной, прямо у входа, висел плакат — поздравление женщинам: он был оформлен ребятами в виде сердца, которое нес на своих плечах В. Разногладов.

Конечно, органичность, ансамблевость и в конечном итоге — полифоничность спектакля базируются прежде всего на творческом единомыслии тех, кто ставит спектакль. Но творческий союз постановщиков должен быть непременно подкреплен простым человеческим союзом людей, которые служат театру, которые каждый вечер выходят на сцену. Это — невидимый зрителю, но необходимый штрих, от которого очень во многом зависит и картина спектакля, и вся жизнь театра.

Н. ЗЕНОВА.

На снимках: репетирует В. РАЗНОГЛАДОВ; балет перед выходом на сцену в «Синей Бороде».

Фото Н. Медведевой.

нечто вроде изящной рамки с собственным рисунком, в центре рамки сплетал тонкие узоры балет, и прочерчивающие в разных направлениях «холсты» сцены солисты словно «вырастали» из орнамента, завершали его, как завершает картину решающий мазок...

Трудно рассказать о танцевальном рисунке словами. Но спектакль идет, и зритель сам может оценить работу балетмейстера, если... Если только сумеет уловить момент, где она начинается и где заканчивается, если сможет «вычлени» ее из спектакля.

А ведь когда-то в нашем театре царил танцевальный дивертисмент. Помните? Освобождалось пространство сцены, на ней появлялся балет. Исполняя свой номер, исчезал за кулисами — и действие продолжалось. Музыка, вокал и речь «работали» на сцене постоянно, танец был на ней гостем.

Дивертисмент и теперь не канул в Лету. Но в современных спектаклях он заметно сдвинул свои позиции. «Соло» балета все более органично вытекает из общей задачи постановки, оно выглядит не «в гостях», а «у себя дома» в танцующем, движущемся, пластически богатом спектакле. Это принципиально важно. И если уже отмечалось, что наш театр успешно преодолевает расстояние между актером «играющим» и «поющим», соединяя их в одном лице, то теперь становится особенно наглядным, как завоевывается третья «высота»:

Так вот, когда идет соло балета в нашем театре музыкальной комедии, оно все чаще «звучит» как соло фортепьяно в концерте, где занят весь оркестр...

Что ж, можно только порадоваться за балетмейстера, которому оказываются по плечу такие задачи. И стоит помнить здесь, что Владислав Павлович Разногладов — человек судьбы достаточно редкой: в не таком уж давнем прошлом — слесарь, занимающийся танцами в самодеятельном коллективе; потом — артист балета театра имени Луначарского; потом — первые пробы сил как постановщика в ансамбле «Енька», в спектаклях ТЮЗа; потом — поступление в ГИТИС на балетмейстерское отделение и, наконец, наш театр музыкальной комедии... Это «продвижение» уже само по себе свидетельствует о верности выбора, сделанного Разногладовым когда-то. А суть, направление

